

мой свекоръ живъ, — говоритъ Белинда, но съ такой неподдѣльной ясностью, что Сара снова съ удивленіемъ взглядываетъ на нее.

— Четыре мѣсяца, — въ третій разъ повторяетъ она. — Неужели ты хочешь увѣрить меня, что безъ ужаса смотришь на такую перспективу?

— Конечно, это меня ужасаетъ.

Но въ голосъ ея не только не слышно ужаса, но даже и простого недовольства.

— Какъ ты предполагаешь прожить это время?

— Какъ живутъ всѣ люди вообще.

Она опустила на колѣни на зеленый дернъ и срѣзаетъ цвѣты для дорожнаго букета сестры.

— Буду ѣсть, пить, спать, зѣвать.

— И ты увѣрена, что никакого *другого* развлечения у тебя не будетъ? — внезапно спрашиваетъ Сара.

На минуту садовые ножницы въ рукахъ миссисъ Фортъ перестаютъ рѣзать цвѣты, и краска заливаетъ не только ея лицо, но даже и бѣлую шею.

— Я... я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать, — холодно произноситъ она, — о какомъ такомъ развлеченіи ты толкуешь?

— Белинда, — говоритъ Сара, опускаясь передъ ней на колѣни и хватая ее за руки, — нельзя ли мнѣ снова пріѣхать и разделить твоё одиночество? Я, можетъ быть, и не особенно интересная собесѣдница, но все же тверже помню немногіе, извѣстные мнѣ факты, нежели твоя бѣдная свекровь. Позволь мнѣ пріѣхать, пожалуйста, позволь.

Но руки, которыя она сжимаетъ съ такой мольбой, не отвѣчаютъ на ея пожатіе. Лицо сестры, отворачивающееся отъ нея, не выражаетъ и тѣни удовольствія при этомъ предложеніи. Безумное подозрѣніе мелькаетъ въ умѣ миссисъ Фортъ: что настоящее предложеніе Сары находится въ связи съ стремленіемъ Райверса навѣдываться въ Оксфордъ, что, быть можетъ, это условлено между ними и что въ этомъ-то и заключается секретъ ея желанія повторить свой визитъ въ Оксфордъ. Словомъ, чего только не придумаетъ безумная ревность, нашептывающая всякій вздоръ уму, готовому вѣрить ея внушеніямъ.

Подъ предлогомъ составленія букета, Белинда отняла свои руки, но спокойствіе покинуло ее: нераскрывшіеся бутоны такъ же безжалостно срѣзываются ея ножницами, какъ и распутившіеся цвѣты.